

Старик обожал шаосинское хуа-дяо*, и Ци Чуань, не особо скромничая, притащил ему сразу две кувшинки — одну распить сейчас, вторую прихватить с собой.

— Где открывалка? На кухне? — спросил он, ставя груз на стол и тут же направляясь к двери.

— Эй, эй, эй! — Чэнь Син заорал так, будто ему отдавили хвост, и закатил глаза. — Дяденька, ты что, без глаз, что ли? Кухня занята, не видишь?

Ци Чуань посмотрел на него с той снисходительной нежностью, с какой взрослые иногда смотрят на особенно тупых детей.

— Это же не туалет. Почему нельзя зайти?

— Ты... — Чэнь Син завис, глядя на него, как на умственно отсталого. — Ты своей головой только пар в хот-поте собирать умеешь?! Ты вообще когда-нибудь встречался с девушкой?

Ци Чуань лениво пожал плечами.

— Не знаешь, что ли?

— Не знаю. Я только с собаками встречался.

— ...

Ци Чуань даже не знал, что сказать.

Чэнь Син же даже не попытался скрыть презрительное безразличие, а Ци Чуань так и остался стоять в недоумении, только поднял руку, собираясь постучать в дверь кухни. Но не успел — она распахнулась сама.

Фу Гэ вылетел наружу так резко, что едва не врезался в него. Щёки горели жарким румянцем, тонкая кожа на шее блестела от пота, ленты фартука сбились и распустились.

Ци Чуань уже открыл рот:

— Открывалка в...

Но Фу Гэ метнул в него такой убийственный взгляд, что продолжение фразы тут же засохло на языке.

— Мне-то зачем это знать? Я тебе на открывалку похож?! — голос был неожиданно сердитым.

— ...

Ци Чуань и глазом моргнуть не успел, как его ни за что ни про что так отчитали, а младший брат тем временем, не оборачиваясь, понёсся вверх по лестнице. Он провожал его спину с поддёргивающимся веком — похоже, мелкий действительно вырос.

Следом из кухни неспешно вышел Ци Хань, лениво облокотился на дверной косяк, бесцеремонно проводил взглядом бегущего Фу Гэ и, улыбнувшись одними уголками губ, бросил ему вслед:

— Помедленнее, а то свернёшь себе шею.

Ци Чуань буквально кожей ощутил, как в этот момент у его брата вспыхнули уши, и он действительно послушался, сбавил шаг.

Но когда он перевёл взгляд обратно, то увидел перед собой расслабленного, наглого альфу с ленивым прищуром, которого до предела устраивало всё происходящее. Распушенная одежда, довольный вид — всё было предельно ясно.

Ци Чуань тоже был альфой. И он прекрасно понимал, что только что случилось в кухне.

Его лицо в секунду помрачнело.

— Фу Гэ не привык к такому... откровенному поведению. И не забывай, что в доме его дед. Держи себя в руках.

Ци Хань нехорошо усмехнулся, чуть выдвинув вперёд челюсть, прежде чем медленно перевести на него взгляд.

— А ты меня в каком статусе сейчас отчитываешь?

Ци Чуань сжал зубы.

— Я его брат.

Ци Хань понимающе кивнул.

— Окей. Прости, братан. Больше не повторится.

— ...

— Эй, эй! — Чэнь Син, наблюдавший за сценой, азартно встрял с самым мерзким видом. — А если я тебя буду отчитывать в статусе твоего мёртвого бывшего?

Выражение лица Ци Ханя не изменилось ни на миллиметр.

— Я не разговариваю с покойниками.

Ци Чуань: ...

В главной спальне на втором этаже Фу Гэ, всё ещё красный, как варёный рак, сдёрнул с себя одежду, быстро сполоснулся в душе и натянул точно такую же домашнюю пижаму.

Как только он закончил прибираться, в дверь раздалось два стука.

— Эй, мелкий, можно войти? — голос Чэнь Сина был самым наглым из возможных.

Фу Гэ замер, затем вздохнул, открыл дверь и ухмыльнулся:

— Не могу принять такую честь. Ты же тоже наш с Аханем «сестрица».

— Бл... БРО, нет, нет, нет! — Чэнь Син содрогнулся от одной только мысли о том, что его Хань-ге мог бы называть его «сестрицей». — Прекрати прямо сейчас! Я с Ци Чуанем ничего общего не имел и не имею!

Фу Гэ не поверил:

— А как же то, что было тогда... и 303?..

Уголки глаз Чэнь Сина потемнели, улыбка стала какой-то усталой, с горьковатым привкусом.

— Пёс меня укусил, и что, мне теперь его кусать в ответ? — он хмыкнул, но в голосе прозвучало не веселье, а равнодушное смирение. — Я больше в это не играю. Фотки оставлю, пусть будут... как напоминание.

Не давая Фу Гэ времени на ответ, он тут же сменил тему:

— Ты ведь старше меня. Можно звать тебя Сяо-Фу-ге?

Не дожидаясь реакции, он чуть наклонился и совершенно серьёзно отвесил глубокий поклон:

— Раньше я был дураком, неуважительно с тобой обращался. Прости, Фу-ге. Надеюсь, ты не держишь на меня зла.

Фу Гэ спокойно это принял, даже помог ему выпрямиться, похлопав по плечу:

— Всё в прошлом.

Как только понял, что на него не сердятся, Чэнь Син снова повеселел, глаза заискрились хитрой улыбкой.

— Я ведь не с пустыми руками пришёл мириться. Давай расскажу тебе один секрет?

Фу Гэ чуть прищурился.

— ...Это как-то связано с Аханем?

— Мозги у тебя работают, Фу-ге! — Чэнь Син огляделся по сторонам, убедился, что рядом никого нет, и поманил его пальцем, понизив голос:

— Короче, Хань-ге через две недели на три дня свалит, ты это знал?

— Да, он сказал, что в командировку.

— Какую нахрен командировку! — Чэнь Син закатил глаза так, будто его вот-вот разорвёт от возмущения. — Я проверил его запись в «Шэндэ» — он на эти три дня забронировал себе изолятор. Под фальшивым именем.

Фу Гэ застыл, недоумённо моргая.

Изолятор...

Такое резервируют только на период восприимчивости. Но ведь время у Ци Ханя не совпадает.

— Зачем ему изолятор?.. — голос сорвался. — Его восприимчивость должна начаться на следующей неделе. Мы ведь... мы ведь договорились пережить её вместе...

Слова оборвались, глаза расширились в осознании.

— Он меня обманул...

— Хотел, чтобы я подумал, что восприимчивость уже идёт, чтобы я провёл её с ним, а когда придёт настоящая, он просто уйдёт в изолятор и будет мучиться в одиночку...

Чэнь Син тяжело выдохнул:

— Фу-ге, не злись на него. Ты же сам знаешь, в каком он состоянии в это время... Он не может позволить тебе это видеть.

Он пожал плечами, показывая, что дальше не его дело.

— Я сказал, что знал. Что ты с этим будешь делать, решай сам.

Сказав это, Чэнь Син уже развернулся, собираясь уйти, но вдруг вспомнил что-то и остановился.

— Эй, Фу-ге, ты уже открыл мой подарок на новоселье?

Фу Гэ задумался:

— Нет, он в спальне. А что?

Чэнь Син ухмыльнулся и, хитро прищурившись, поднял бровь:

— Сам открой, главное - не давай ему видеть. Если не хочешь, чтобы он ушёл в изолятор, попробуй эту штуку - обещаю, ты возьмёшь его одной левой! Только потом не вздумай говорить, что это я тебе посоветовал!

Фу Гэ фыркнул, усмехнувшись:

— Что там, волшебная пилюля?

Чэнь Син подмигнул с самым мерзким выражением лица:

— Не знаю насчёт волшебства, но Хань-ге точно оценит. Он же скрытный извращенец, ему только это и подавай!

Фу Гэ провожал его взглядом с прищуренной улыбкой, но в душе засела лёгкая интрига.

Когда он закрыл за Чэнь Сином дверь, то не сдержался – пошёл в гардеробную, где всё это время стоял тот самый полутораметровый короб, и уставился на него, чувствуя, как чешутся руки.

— Не дай бог, там какая-нибудь сомнительная дрянь...

С этими мыслями он шагнул вперёд, взялся за крышку и распахнул короб.

В следующую же секунду его буквально завалило, как если бы он встряхнул взболтанную бутылку колы.

Пол к ногам засыпало...

Десятками чёрных шёлковых ципао*.

И целой коллекцией звериных ушек.

Пп: *Шаосинское хуа-дяо (绍兴黄酒, Shaoxing Huadiao Jiu) — это разновидность рисового вина из города Шаосин, провинция Чжэцзян, Китай. Оно выдерживается в глиняных кувшинах и имеет насыщенный аромат с нотами карамели, орехов и сушёных фруктов. В Китае его часто используют как столовый напиток и в кулинарии (например, для приготовления утки по-пекински и блюд с морепродуктами). “Хуа-дяо” (花雕, букв. “резной цветок”) — это способ украшения кувшинов, но со временем название закрепилось за самим вином.

*Ципáo (旗袍, qípáo), также известное как чонсам (衫, chángshān) в кантонском произношении — это традиционное китайское платье, которое плотно облегает фигуру. Оно отличается высоким воротником, разрезами по бокам, застёжками на пуговицах (обычно сбоку) и приталенным силуэтом.

<http://bllate.org/book/14453/1278380>